

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 23.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, іюня 7-го.

Содержаніе: Благолѣпіе богослуженія при бѣдности обстановки.—Сочиненія и сказанія о будущей загробной жизни (продолженіе).—Обозрѣніе проповѣдей въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1897 годъ.

Благолѣпіе богослуженія при бѣдности обстановки.

Одну изъ существенныхъ обязанностей, указуемыхъ духовенству и правилами Церкви, и Верховною Властію ¹⁾, является охраненіе благолѣпія въ богослуженіи. Но при этомъ можетъ возникнуть вопросъ, возможно ли благолѣпное богослуженіе въ бѣдномъ храмѣ, какихъ очень много, при убогихъ облаченіяхъ и при крайне малочисленномъ клирѣ. Не составляетъ ли благолѣпіе богослуженія исключительной при-

¹⁾ См. Высочайшій рескриптъ Высокопреосв. Владиміру, Митрополиту Московскому.

надлежности богатыхъ городскихъ храмовъ, сіяющихъ иконами въ золотыхъ окладахъ, храмовъ, блистающихъ въ праздничные дни отъ безчисленнаго множества свѣчей и оглашаемыхъ пѣніемъ многочисленнаго клира и благоустроеннаго хора? Чтобы рѣшить эти вопросы, посмотримъ, что нужно разумѣть подѣ благолѣпіемъ вообще и подѣ благолѣпіемъ богослуженія въ частности.

Несомнѣнно, что въ понятіе благолѣпія (εὐπρέπεια) входитъ чувственная красота, о которой псалмопѣвецъ говоритъ: *Господи, возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего* (25, 8). Конечно, такая красота въ высшей степени приличествуетъ храму, какъ жилищу Того, Кто облачается славою и великолѣпіемъ (103, 1). Не менѣе приличествуетъ она всѣмъ прочимъ предметамъ, дѣйствіямъ и словамъ, которыя человѣкъ посвящаетъ Господу и въ которыхъ тѣлесно выражаетъ свое стремленіе къ Нему. Мало того: о Господѣ сказано, что красота—въ десницѣ Его (Пс. 15, 11); Онъ есть самоисточная Красота; а посему только то истинно прекрасно, что имѣетъ пѣкоторое отношеніе къ Нему, въ плодахъ же человѣческаго творчества только то, что посвящается Ему, что освѣщено и согрѣто религіозно-нравственнымъ чувствомъ. Поэтому, если бы красота подверглась изгнанію изъ храма, то рано или поздно къ этому присоединилось бы изгнаніе ея изъ человѣческой жизни, изъ человѣческаго творчества. Что все художественно—прекрасное имѣетъ связь съ религіей, и что храмъ есть колыбель красоты, насколько она принадлежитъ человѣческимъ созданіямъ, это всего лучше видно изъ того, что всякое искусство даетъ лучшіе плоды тогда, когда оно служитъ религіи, и посему лучшая живопись, несомнѣнно, религіозная, лучшая архитектура—церковная, лучшая музыка (пѣніе)—священная.

Но въ понятіе благолѣпія входитъ не одна только чувственная красота. Св. Писаніе говоритъ намъ также и о великолѣпії святости. *Родъ и родъ восхваляютъ дѣла Твоя*, говоритъ псалмопѣвецъ, *великолѣпніе славы святыхъ Твоихъ*

возлагаютъ (144, 4—5). Если всякое искусство, какъ мы выше сказали, приносить лучшіе плоды тогда, когда служить религіи, то это именно потому, что въ этомъ случаѣ чувственная красота одухотворяется красотой духовной, что въ согласномъ соединеніи красокъ, звуковъ и архитектурныхъ линій сказывается человѣческому духу что-то неземное, безконечно чистое и возвышенное,—словомъ, святое. Зримая или слышимая красота является глѣнной оболочкой нетлѣннаго и вѣчнаго блага, иной неувядаемой красоты, и отъ этого кажется еще прекраснѣе, еще сильнѣе дѣйствуетъ на человѣка. Это нетлѣнное благо, эта неувыдасмая красота святости, которая одна только и можетъ возвысить, оживить и одухотворить всякую чувственную красоту, и составляетъ важнѣйшую и неотъемлемую стихію истиннаго благолѣпія. Безъ нея красота чувственная превращается въ простую красоту, которая только глаза пріятно раздражать можетъ, какъ пріятный узоръ, какъ изящный нарядъ. Напротивъ, благолѣпіе святости можетъ быть и безъ чувственной красоты. Оно можетъ соединяться съ внѣшнимъ униженіемъ и безчестіемъ, какъ это было съ Богочеловѣкомъ въ часы Его страданій. О Немъ было сказано у пророка, что Онъ не имѣлъ тогда „ни вида, ни величія“, „не было въ Немъ вида, который привлекалъ бы насъ къ Нему—Онъ былъ презрѣнъ и умаленъ предъ людьми—и мы отвращали отъ Него лице свое“ (Исаи 53, 2—3). Но можно ли отрицать въ страждущемъ Сынѣ Божіемъ благолѣпіе святости? Не это ли благолѣпіе дѣйствовало на загубѣлую душу разбойника, когда послѣдній говорилъ: *мы—достойная по дѣламъ наю воспріемлева—Сей же ни единого зла сотвори—помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ* (Лук. 23, 41—42)? Это благолѣпіе праведности привлекло къ Христу сотника, сказавшаго: *воистину человекъ сей праведенъ бѣ* (47). При этомъ мы разумѣемъ, конечно, не такую святость, которая открыта только Божіимъ очамъ и сокрыта отъ очей человѣческихъ, но такую, которая бываетъ видима людямъ, выражаясь во внѣш-

ности, и чрезъ наблюденіе дѣйствуетъ на нравственное чувство человѣка такъ же, какъ красота на чувство эстетическое. Такъ подѣйствовало на разбойника и обратило его къ Христу нравственное величіе и высочайшая святость Господа, выражавшіяся въ Его кроткомъ и незлобивомъ видѣ, въ Его сѣтованіи о судьбѣ дочерей іерусалимскихъ и наипаче въ Его молитвѣ за враговъ (Лук. 23, 28—31, 34).

Если благолѣпіе состоитъ не въ одной чувственной красотѣ, какъ благолѣпіе цвѣтка (упоминаемое ап. Іаковомъ, 1, 11), но и въ святости, проявляемой наружностію и дѣлами человѣка, если даже благолѣпіе святости имѣетъ преимущество предъ благолѣпіемъ красоты и можетъ обходиться безъ этого послѣдняго, то вопросъ о возможности благолѣпнаго служенія Богу при самой скудной обстановкѣ рѣшается легко и притомъ—въ положительномъ смыслѣ. Тамъ, гдѣ богослуженіе не можетъ по бѣдности отличать благолѣпіемъ красоты, оно можетъ отличать благолѣпіемъ святости. Пусть христіане, согласно пророчеству Исаи, *придутъ носяще золото, и ливанъ принесутъ, и камень честенъ и такъ вознесутся пріятная на жертвенникъ Господа, и домъ молитвы Его прославится* (60, 6—7); но гдѣ это невозможно, тамъ, при убожествѣ храма, при скудости и бѣдности священныхъ облаченій, при отсутствіи искусства, которое приносило бы плоды свои на жертвенникъ вѣры, пусть тѣмъ болѣе сіяетъ благолѣпіе святости, свойственной богослуженію по самому существу его. Вспомнимъ, что въ первые вѣка христіанства вѣрующіе, вслѣдствіе преслѣдованій, собирались для богослуженія въ мрачныхъ пещерахъ, называемыхъ катакомбами, при свѣтѣ факеловъ, тускло свѣтившихъ въ сыромъ воздухѣ подземелья, и что въ то время богослуженіе отправлялось крайне просто,—не украшенное никакимъ искусствомъ, оно украшалось только святостію истины, выраженіемъ которой оно служило. И это богослуженіе, будучи совершаемо при такой скудной обстановкѣ, которая несрав-

нима ни съ чѣмъ современнымъ, однимъ только благолѣпіемъ святости привлекало вѣрующихъ и умножало чадъ Церкви.

Но если богослуженіе Христовой Церкви служить выраженіемъ святѣйшей истины и слѣд. само по себѣ всегда свято, то кто нибудь можетъ подумать, что въ этомъ отношеніи излишне какое бы то ни было человѣческое стараніе и совершенно безвредно отсутствіе въ людяхъ усердія. Нѣтъ; богослуженіе бываетъ благолѣпно своею святостію только тогда, когда оно совершается должнымъ образомъ, когда его святость не скрывается въ нерадивомъ и неусердномъ совершеніи. Какъ возвышенно—свято возглашеніе священника въ началѣ литургіи, когда онъ благословляетъ или прославляетъ царство Отца и Сына и Святаго Духа! Какъ бы ни бѣдно было его облаченіе, онъ представляется величественнымъ: кругозоръ его простирается далеко за предѣлы низкаго и тѣснаго храма и обнимаетъ вѣчную и вселенскую Церковь Божию; прославляя ее, онъ въ тоже время возноситъ благодареніе за милости, получаемыя ею отъ Троичнаго Бога и составляющія ея славу. Но эти слова, исполненныя высокаго и святаго значенія, могутъ быть произнесены скороговоркою или такимъ тономъ, которымъ говорятъ о вещахъ, нимало не святыхъ; тогда святость ихъ будетъ сокрыта отъ слуха и разумнѣя предстоящихъ—и благолѣпія святости не получится. Святы прошенія ектеніи великой: христіанская любовь обтекаетъ здѣсь весь міръ и посылаетъ молитвенное благожеланіе и Царю со всѣмъ его домомъ, и послѣдному труженику, пловцу, путешественнику. Но эти прошенія можно произносить такъ, что они будутъ заглушаться пѣніемъ „Господи, помилуй“, и до слуха молящихся будетъ доноситься только ихъ общее окончаніе: „Господу помолимся“; святость ихъ не будетъ слышима и видима, не будетъ благолѣпія святости.

Въ виду того, что произношеніе, чтеніе и пѣніе должны въ возможной степени соотвѣтствовать святости читаемаго и поемаго, Церковь установила нѣкоторыя правила чтенія,

создала и создаетъ опредѣленные напѣвы; тѣмъ не менѣе усмотрѣнію, умѣнію и усердію священнослужителей представляется еще очень много. Возьмемъ для примѣра установленныя (не чрезъ какія либо опредѣленія, но чрезъ всеобщее употребленіе) правила чтенія Апостола и Евангелія. Въ основаніи ихъ лежитъ взглядъ, что всякое читаемое въ церкви зачало имѣетъ въ себѣ какую нибудь одну мысль, одно чувство; въ послѣдовательномъ ходѣ чтенія эта мысль постепенно раскрывается, чувство постепенно усиливается. Посему принято читать Апостолъ и Евангеліе голосомъ, постепенно возвышающимся, и заканчивать чтеніе громогласно. Въ этой громогласности разумѣется побѣда вѣры, побѣдившей міръ (1 Іоан. 5, 4). Но вмѣсто благолѣпія святости получается нѣчто совершенно противоположное, если чтеніе начинается голосомъ глухимъ и неслышнымъ, а оканчивается крикомъ.—Кромѣ того, всякое чтеніе (равно какъ и пѣніе) становится благолѣпнымъ отъ вразумительности. Пусть голосъ читающаго (или поющаго) не имѣетъ никакой особенной пріятности, пусть это будетъ дрожащій и дребезжащій голосъ псаломщика-старца; все несовершенство его чтенія или пѣнія будетъ покрыто, искуплено и сглажено святостію и трогательностію читаемаго (или поемаго), если каждое слово, отчетливо произносимое, будетъ какъ бы влгаться въ уши и доводиться до ума и сердца слушающихъ. Помнится намъ пѣніе сдного стараго псаломщика, голосъ котораго дрожалъ; но псаломщикъ пѣлъ, отчетливо произнося каждое слово, и полуслѣпой взглядъ его благоговѣнно устремленъ былъ къ иконѣ, какъ бы къ живому лику Господа; онъ пѣлъ: „Преобразился еси на горѣ, Христе Боже“,—„да возсіяетъ и намъ грѣшнымъ свѣтъ Твой присносущный“, и пѣніе его было лучше и благолѣпнѣе, чѣмъ пѣніе иного благоустроеннаго хора, у котораго не разберешь, что онъ поетъ; самое дрожаніе его голоса, казалось, происходило не отъ дряхлости, но отъ глубоко потрясенной души, отъ сердца, объятаго святыми мыслями и желаніями священнаго пѣснотворца.

Какъ святость читаемаго и поемаго сообщаетъ богослуженію благолѣпіе при условіи чтенія вразумительнаго и благоговѣйнаго, такъ святость дѣйствій, входящихъ въ составъ богослуженія, сообщаетъ ему благолѣпіе при условіи благоговѣйной чинности и неторопливости движеній священнослужителя. Часто призывая молящихся стоять прямо (*прости*), стоять добрѣ, стоять со страхомъ, Церковь показываетъ, что и во внѣшнемъ положеніи предстоящихъ должно отражаться святость богослужебныхъ дѣйствій. Но еще болѣе это должно быть сказано о внѣшнемъ видѣ, положеніи и движеніяхъ священнослужителей. Вся ихъ внѣшность должна свидѣтельствовать, что они совершаютъ дѣло святое. Тогда и въ этомъ отношеніи получится благолѣпіе святости, превосходящее красоту дорогихъ украшеній и одеждъ и заставляющее забывать объ ея отсутствіи. С. Кожомскій.

Сочиненія и сказанія о будущей загробной жизни ¹⁾.

Снова вздохнулъ апостоль, заплакалъ и спросилъ: „кто это?“—„Это,—отвѣчалъ ангель,—тѣ, которые брали большіе проценты и надѣялись на богатство свое, Бога же не хотѣли имѣть помощникомъ своимъ. Послѣ того увидѣлъ апостоль „другое мѣсто, очень твердое; вокругъ него какъ бы огненная стѣна; здѣсь было множество мужей и женъ, которые ссѣкали зубами своими языки свои“: это,—по объясненію ангела,—ссорившіеся другъ съ другомъ въ церкви, не внимавшіе словамъ Божиимъ и увичивавшіе Божіи книги и церковниковъ“. Увидѣлъ затѣмъ старца „до колѣнъ въ пропасти; *видѣнне* его было, какъ кровь“. И спросилъ: „какое это мѣсто?“ Ангель отвѣчалъ: „въ эту пропасть, кото-

¹⁾ См. № 22-й за 1898 годъ.

рую ты теперь видишь, *текутъ* все муки“. Здѣсь же апостоль увидѣлъ „мужей и женъ, погруженныхъ до устъ“: это—„потворники и волшебники“. Увидѣлъ также здѣсь „мужа, распятаго внизъ головою надъ рѣкою огненною; изъ него выползло безчисленное множество червей: это былъ „*гратель жироновый*“. Увидѣлъ и „другихъ мужей и женъ, горѣвшихъ до половины въ огненной пропасти и совсѣмъ почернѣвшихъ“: это—„прелюбодѣи, прелюбодѣйствовавшіе имѣя своихъ женъ, а также и женщины, прелюбодѣйствовавшіи имѣя своихъ мужей“. Увидѣлъ еще „дѣвицъ, имѣвшихъ оскверненныя ризы, 14 (4) ангеловъ страшныхъ, возлагавшихъ на тѣхъ дѣвъ раскаленныя вериги и ведшихъ ихъ въ муку: это—„дѣвы, которыя осквернили дѣвство свое прежде брака, тайно отъ родителей“. Еще увидѣлъ „мужей и женъ съ отрѣзанными руками и ногами; они были въ мѣстѣ, наполненномъ солью и снѣгомъ, и черви точили обнаженныя тѣла ихъ“: это—тѣ, „которые не миловали и не уповали на Бога“. Увидѣлъ и другихъ „мужей и женъ, которые висѣли надъ теченьемъ рѣки тоѣ; языки ихъ были сухи отъ нестерпимой жажды; предъ глазами ихъ было много различныхъ плодовъ, но имъ не давали вкусить отъ этихъ плодовъ“: это—тѣ, которые позволяли себѣ вкушать пищу раньше *учиненнаго времени*“. Другіе „мужи и жены“ были повѣшены „за перси и за волосы; ихъ влекли желѣзными баграми“: это—тѣ, которые уподоблялись неразумнымъ скотамъ, предаваясь, вслѣдствіе прелюбодѣянія, чрезмѣрнымъ излишествамъ въ своихъ супружескихъ отношеніяхъ. Еще другіе были „красные; они находились въ огненной смердящей пропасти, изъ которой текла огненная же рѣка“: это—„творившіи содомскій и гоморскій грѣхъ съ *злообразными мужами*“. Иные были „облечены въ свѣтлыя ризы, но съ ослѣпленными глазами; они также находились въ пропасти огненной“: это—тѣ „изъ язычниковъ, которые сотворили милость, но не познали истиннаго Бога. Иныхъ непрестанно терзаль огненный звѣрь, такъ что они не имѣли возможно-

сти даже произнести: „*Господи, помилуй ны*“; при этомъ апостоль увидѣлъ „ангела, приставленнаго надъ мукою; онъ строго наблюдалъ надъ мучившимися и грозно говорилъ имъ: „познайте Сына Божія; я и раньше говорилъ вамъ объ этомъ, но вы не хотѣли слушать и не внимали Божественнымъ книгамъ и Божественнымъ писъменамъ. Вотъ теперь и постигъ васъ праведный судъ Божій, дѣла ваши привели васъ въ эту муку“: это—, „женщины, которыя противъ своей воли растлили себя, а затѣмъ убивали незаконнорожденныхъ дѣтей своихъ; здѣсь же были и мужчины, растлившіе ихъ насильно. Дѣти этихъ матерей молили Бога и ангела, приставленнаго надъ мукою, говоря: отомстите за насъ обидѣвшимъ насъ; они растлили тварь Божию; нося имя Божіе, заповѣдей Божіихъ не соблюдали, но бросали насъ псамъ на съѣденіе и свиньямъ на попаніе; инныя бросали насъ въ рѣку“. Эти дѣти переданы были ангелу *Тимѣяху*, который приставленъ надъ муками, чтобы онъ перенесъ ихъ въ *пространныя мѣста милости*; отцы же и матери ихъ были свергнуты въ вѣчную муку. Затѣмъ апостоль увидѣлъ „пламень огненный и въ немъ желѣзный дубъ, имѣвшій въ высоту 100 локтей: на немъ было множество мужей и женъ, которые висѣли по краямъ дуба того за языки; и по нимъ ползали змѣи и ѣли плоть ихъ; и не могли они произнести: *Господи, помилуй*“: это—тѣ, „которые не сохранили дѣвства своего до времени, а также осквернили святую недѣлю, играя по субботамъ до поздней ночи“. И увидѣлъ „другихъ мужей и женъ; платье ихъ было препоясано, и они стояли въ пеклѣ, исполненномъ *срада*; вокругъ шеи ихъ, плечей и ногъ облежали змѣи и огонь; ихъ влекли ангелы съ огненными рогами и бодали ихъ тѣми рогами говоря: почему вы не наблюдали времени, въ которое вамъ надлежало покланяться и служить Богу?“ Это—, „чернорызцы, которые отреклись отъ міра, но послали въ себѣ образъ похоти мірской, не сотворили дѣла любви, ни одной вдовицы и сироты не помиловали, ни разу не приняли странника, не помиловали

ближняго, не принесли Богу ни одной искренней молитвы вслѣдствіе своей лѣности и житейскихъ привязанностей и пристрастій“. Затѣмъ пошли они „черезъ всѣ муки“. Когда увидѣли ихъ „бывшіи въ мукѣ, то сказали имъ: ...зачѣмъ привели сюда живыхъ съ другой муки?“ Перешли „на другое мѣсто“. Тамъ имъ сказали: „когда мы были въ мірѣ, то, грѣшныя, взирали на васъ, какъ на святыхъ, и ублажали васъ, говоря: вотъ праведники; какъ же и вы очутились въ вѣчной мукѣ?“ Апостоль вздохнулъ, прослезился и воскликнулъ: „о горе роду человѣческому! о горе грѣшникомъ, что они родились на свѣтъ!“ Ангель сказалъ ему на это: „ужели ты милостивѣе Бога? Богъ благъ есть, но долженъ быть и судъ. Онъ попустилъ каждому творить свою волю, какъ хочетъ самъ, на землѣ“. Апостоль горько заплакалъ.—„Чего плачешь?—замѣтилъ ангель: ты еще не видѣлъ великихъ мукъ; слѣдуй за мною, и увидишь муки больше этихъ седмицею“. Взявши апостола „отъ запада всѣхъ мукъ“, поставилъ его „надъ колодецъ, который былъ запечатанъ 7 печатами“. Сопровождавшій апостола ангель попросилъ представленнаго къ этому колодцу ангела открыть колодець. Этотъ послѣдній ангель велѣлъ апостолу стать нѣсколько поодаль, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ не смогъ бы вынести выходившаго изъ колодца смрада. Когда потомъ апостоль заглянулъ внизъ въ колодець, то увидѣлъ „во всѣхъ частяхъ его какъ бы горящія камни; онъ былъ настолько узокъ, что въ отверстіе его едва могъ пройти человѣкъ“. Ангель сказалъ при этомъ: „кто будетъ ввергнуть въ бездну и въ этотъ колодець, его тотчасъ же запечатываютъ здѣсь, и съ тѣхъ поръ нѣтъ уже о немъ памяти во вѣки предъ Отцемъ Небеснымъ, Святымъ Духомъ и пресвятыми ангелами Его“. На вопросъ апостола: „кто эти, вметаемые въ колодець?“ ангель отвѣчалъ: „тѣ, которые не исповѣдали, что Іисусъ сходилъ во плоти, что Его родила Дѣва Марія, и которые хлѣба и вина, благословляемыхъ въ евхаристіи, не признаютъ истиннымъ Тѣломъ и Кровію Христовыми“.

На западъ отъ колодца апостоль увидѣлъ „мужей и женъ въ грозѣ и скрежетѣ зубовномъ: это—,тѣ, которые говорили, что Христось не всталъ изъ мертвыхъ“; здѣсь совсѣмъ не было огня и вообще тепла, а только снѣгъ и гроза, при чемъ, по словамъ ангела, „если бы возсіяло и 7 солнць, то и они никогда не согрѣли бы мѣста этого, такъ какъ стужа его превосходить все“. Апостоль заплакалъ, заплакали и всѣ мучившіеся здѣсь грѣшники вмѣстѣ съ ангеломъ. Затѣмъ онъ увидѣлъ „небо отверсто и Михаила архангела завѣта, сходящаго съ неба; а съ ними сошли и всѣ воинства ангельскія къ находящимся въ мукахъ“. Эти послѣдніе возопили: *помилуй ны, Михаиле архангеле завѣту и милости! ты бо молишися за человечество и молитвами твоими досель стоитъ земля. И видѣхомъ уже судъ, познахомъ Сына Божія; но похоти, печали же житейскія не даша намъ покаяться*“. Архангелъ отвѣчалъ на мольбу грѣшниковъ: „слушайте, пребывающіи въ мукахъ, Михаила говорящаго: я предстоялъ предъ Богомъ и не замедлилъ ни одного дня, ни ночи, моля безпрестанно за родъ человѣческой. Но вы сами не проминули ни одного дня творя беззаконіе и проводили время жизни своей въ суетѣ вмѣсто того, чтобы помнитъ о будущемъ праведномъ мздовоздаяніи. Говорю вамъ: если кто сотворить и малое добро, заступленіемъ его избѣжить муки вѣчной. Но гдѣ молитвы ваши? гдѣ покаяніе?... Плачьте нынѣ“. Грѣшники зарыдали и всзопили въ одинъ голосъ „*помилуй ны, Сыне Божій!*“ За ними стали молить Господа Бога о помилованіи грѣшниковъ св. ап. Павелъ и тмы темъ ангеловъ во главѣ съ архангеломъ Михаиломъ. Небо заколебалось, какъ дерево отъ вѣтра, всѣ пали ницъ предъ престоломъ Божиимъ, и апостоль увидѣлъ, какъ поклонились 4 старца и 24 животныхъ. Потомъ небо отверзлось, и онъ увидѣлъ Сына Человѣческаго, сходящаго съ небесъ, „и увясло на главѣ Его“. Находящіеся въ мукахъ грѣшники возопили къ Нему: „*помилуй ны, Сыне Божій Вышняго! Ты бо еси всѣмъ подая милость на небеси и на земли, и ны та-*

коже помилуй, отнелъ бо видѣхомъ Тя и почихомъ“. Спаситель отвѣчалъ имъ: „что вы сотворили, что просите у Меня покоя? Кровь Моя за васъ,—и вы не покаялись; васъ ради я заушенъ былъ по ланитамъ,—и вы не покаялись. За васъ вѣнецъ терновый носилъ на головѣ,—и вы также не покаялись. Воды просилъ, вися на крестѣ, и дали Мнѣ оцетъ, смѣшанный съ желчію. Копьемъ прободили Мнѣ ребро правое за имя человѣческое рабы Мои. Пророковъ и праведниковъ избии. И при всемъ томъ Я далъ вамъ время для покаянья. Нынѣ же ради Михаила, архангела завѣта Моего, и ради предстательствующихъ съ нимъ ангеловъ Моихъ, ради возлюбленнаго Моего Павла, котораго не хочу опечалить, въ особенности же ради всеблагаго Моего воскресенія изъ мертвыхъ *даю вамъ покой сущимъ въ муцѣ, покой и въ день и въ ночь святыя недѣля*“. И всѣ возопили и сказали: „*благословимъ Тя, Господи Боже, яко пода намъ на покой дни того!*“

Послѣ этого ангелъ показывалъ св. ап. Павлу рай.— „Слѣдуй за мною,—сказалъ онъ: да введу тебя въ рай, пусть увидятъ тебя находящіеся тамъ праведники; они ждуть тебя и встрѣтятъ съ радостію и веселіемъ“. Въ Эдемскомъ раю, въ которомъ пали Адамъ и Ева, апостоль увидѣлъ *четыре* извѣстныхъ рѣчки. Начало свое онѣ берутъ отъ корня дерева, на которомъ почиваетъ Духъ Божій, и „*всегда дыхати Духу, идяку воды*“. Затѣмъ ангелъ показалъ апостолу древо познанія добра и зла, чрезъ которое смерть вошла въ міръ, и древо жизни, которое стерегъ херувимъ съ пламеннымъ оружіемъ. Въ то время, когда апостоль смотрѣлъ на эти деревья, вдругъ онъ увидѣлъ „Дѣву издалеча грядущую, и 200 ангелъ грядуща“: то была Пресвятая Дѣва Марія, Матерь Господа. Подошедши, Она облобызала апостола и сказала: „*радуйся, любимице Божій, ангеломъ и человѣкомъ!*“ Въ это же время онъ увидѣлъ *трехъ* человѣкъ, „грядуща издалеча, и красни взоромъ, и образи ихъ свѣтяхуса, и съ ними ангели пояху предъ ними идуще“: то были „отци

людетіи: Аврамъ, Исаакъ и Яковъ“. Подошедши къ апостолу, они также облобызали его и сказали: „радуйся, возлюблене Богомъ и ангеломъ и человекомъ.“ Не окончили они еще своего привѣтствія, какъ апостоль увидѣль „другаго издалеча идуща красна зѣло, и ангела его поюща“: то былъ Моисей. Приблизившись къ апостолу, онъ заплакаль, облобызаль его и сказалъ: „блаженъ еси, Павле, и языкъ втруяй словеси твоему“. Далѣе онъ увидѣль Исаію, Іеремію; видѣль Ноя, съ которымъ бесѣдовалъ о потопѣ; видѣль, наконецъ, Илію и Елисея. Всѣ его привѣтствовали и радостно лобызали.—Такимъ образомъ, въ чемъ именно состоитъ блаженство праведниковъ въ раю, „Слово о видѣніи апостола Павла“ умалчиваетъ.

Небольшой апокрифъ: „Вопросы Іоанна Богослова Аврааму о праведныхъ душахъ“, изданный проф. Н. Тихомировымъ по полууставной рукописи 16-го вѣка, принадлежавшей Іосифову Волоколамскому монастырю, а нынѣ—Московской духовной Академіи 1), заключаетъ въ себѣ сравнительно мало оригинальнаго. Въ этомъ апокрифѣ говорится о состояніи за гробомъ души человѣка праведнаго и души человѣка грѣшнаго,—но почти всѣ сообщаемыя въ немъ объ этомъ свѣдѣнія заимствованы частію изъ церковныхъ сочиненій, частію же у Евстратія, пресвитера Константинопольскаго. Содержаніе апокрифа слѣдующее. Св. ап. Іоаннъ Богословъ спрашиваетъ Авраама: „отче Аврааме, ты пребываеши въ рай, ты приемиши праведныхъ души: скажи ми, отче, чѣмъ насыщаются праведніи въ раю?“ Авраамъ отвѣчаетъ, что души праведныхъ насыщаются въ раю „пищею небесною, святою службою, свѣщею, просвирою, милостынею правою.... и егда ангели изъ тѣла изымуть душу ту и несутъ на небеса къ престолу Божію, тогда усрѣтають ту праведную душу бѣси вся 20 мытарства злая дѣла ангели же не дадутъ души той бѣсомъ въ поруганіе и поставятъ душу ту

1) „Памятники отреченной русской литературы“, т. 2, стр. 193—196.

право суду Христова, близь престола Божія, ждуще отъ нея памяти, святыхъ службы, свѣщи, просвиры, милостыни правыя. Аще будетъ въ кій (3-й) день служба, свѣща, провира, милостыня правая: тогда та душа просвѣщается и насыщается. и радостна бываетъ: того ради Господь нашъ Иисусъ Христосъ на крестѣ распенся, волею во адъ спедь и царствіе его разруши и сатану и дьявола связа и потомъ воскресе въ 3 день Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Адама и Еву и вся праведники воскреси: того ради правятся *третьины*“. Далѣе указываются основанія другихъ поминальныхъ дней послѣ смерти покойника. Если въ дни, назначенные для поминовенія, бываетъ по душѣ „служба, свѣща, просвира и милостыня правая“, въ такомъ случаѣ „поставятъ тую душу ангели у престола Божія, и речеть ей Господь: радуйся и веселися, праведная душе, жила еси въ законѣ Моемъ, добръ исходъ твой, и добро дѣло твое, и добра память твоя: безъ грабленія никогоже обидѣла еси живущи на земли благословя“. И ангеламъ скажетъ: „несите душу сію въ рай на лоно Аврааму и Исаку и Якову въ жизнь вѣчную“. Если же „какая жила душа во убожествѣ, въ сиротствѣ, а не могла творити ни службы, ни свѣщи, ни просфиры, ни милостыни правыя, а Тѣло и Кровь Господню пріяла съ чистотою, а добро дѣло Божіе будетъ творила, то и ту приѣмлетъ Господь противу службы, и свѣщи, и просфиры, и милостыни правыя добрая дѣла твоя“. И скажетъ Господь ангеламъ: „понесите душу сію въ рай на лоно Аврааму, Исаку и Якову въ жизнь вѣчную“. Наконецъ, если „какая душа жила на земли безъ сумнѣнія не боящися Бога, ни ангель Божіихъ, ни евангелія святаго, ни отецъ духовныхъ, а злая дѣла творила скупостію, гордостію гордѣла, ярость, сребролюбіе, татба, зависть, клеветаніе, разбой, душегубство, чародѣйство, лихоиманіе, грабленіе, рѣзоиманіе и вся непріязненная дѣла: аще не будетъ по души той памяти, ни службы, ни свѣщи, ни просфиры, ни милостыни правыя, да не помянетъ ея никтоже, ни отецъ духовный въ молит-

вахъ, занеже не творила заповѣдей Христовыхъ: да и ту душу принесутъ престолу Христову Божію, тогдаже речеть Господь: душе окаянная! въ беззаконіи жила еси на земли, зло творила еси дѣла сатанина и дьяволя и ангелъ ихъ, а молбы Христу нѣсть по тебѣ, ни памяти, ничегоже, золь исходъ твой, и зла память твоя“. И скажетъ ангеламъ: „врините душу сію въ муку вѣчную: не пребудутъ же законопреступници предъ очима Моиима“. И предадутъ ангелы ту грѣшную душу лютымъ бѣсамъ; бѣсы же понесутъ ее въ огнь неугасимый и въ муку вѣчную, во тьму кромѣшную: тамъ будетъ плачь и срезетъ зубовъ.

Греческій подлинникъ апокрифа: „Вопросы Іоанна Богослова Аврааму на Елеонской горѣ“ не открытъ и по настоящее время, равно какъ нѣтъ о немъ упоминанія и въ греческомъ *Индексѣ*, вслѣдствіе чего о происхожденіи этого апокрифа нельзя сказать ничего болѣе или менѣе определеннаго. Пыпинъ и Спасовичъ въ своемъ „Обзорѣ исторіи славянскихъ литературъ“ (стр. 69) полагаютъ, что „Вопросы“ вышли изъ рукъ болгарскихъ еретиковъ богомиловъ, у которыхъ св. ап. Іоаннъ Богословъ пользовался особымъ почитаніемъ. Въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ апокрифъ этотъ сохранился въ нѣсколькихъ спискахъ, не восходящихъ, впрочемъ, ранѣе 16-го вѣка. Болѣе извѣстные списки его изданы проф. Н. Тихонравовымъ ¹⁾ и А. Пыпинымъ ²⁾. Онъ касается разныхъ вопросовъ, иногда даже не имѣющихъ прямого отношенія къ загробной жизни, при чемъ нельзя не видѣть въ немъ по мѣстамъ довольно явныхъ слѣдовъ вліянія извѣстныхъ апокрифическихъ сказаній: „Хожденія Богородицы

¹⁾ „Памятники отреченной русской литературы“, т. 2, стр. 197—204, 204—210; 210—212.

²⁾ „Памятники старинной русской литературы“, изд. гр. Гр. Кутшелевымъ-Безбородко, вып. 3, стр. 113—116, 117.—При изложеніи содержанія сказанія мы пользуемся всѣми означенными списками его.

по мувамъ“, „Вопросовъ Іоанна Богослова Господу на горѣ Фаворской“ и нѣк. др.

Въ началѣ апокрифа говорится о томъ, что Іисусъ Христъ, *сходя* *скажи имъ* *Исхожу* *отъ* *вост* *на* *небо* *и* *возвожу* *тѣ* *съ* *Собою* *Адама* *и* *тѣхъ*, *которые* *съ* *нимъ*. *И* *сказалъ* Аврааму: „Авраамъ! тебѣ передаю души разлучать ихъ на двѣ стороны: однѣ—праведныя—на небо, а другія—грѣшныя—во адъ“. Послѣ того ап. Іоаннъ Богословъ спрашиваетъ Господа: „Господи, скажи намъ, когда будетъ кончина міра и пришествіе Твое на землю и воскресеніе отъ вѣка умершихъ?“—„Тогда будетъ кончина міра и пришествіе Мое на землю,—отвѣчаетъ Господь,—когда будетъ мерзость на землѣ въ людяхъ, безстыдство въ родѣ семь, землетрясенія, многія погибели и бѣды многія и войны; когда возненавидитъ братъ брата и предастъ на смерть, и возстанетъ князь на князя. Тогда будетъ людямъ печаль и воздыханіе великое...“ Затѣмъ апокрифъ совершенно неожиданно вдругъ переходитъ къ *повѣствованію* *о* *томъ*, *что* *Іоаннъ* *Феологъ* *вознесенъ* *былъ* *на* *небо* *къ* *Аврааму* *и* *спросилъ* *его*: „Отче Аврааме! узнаютъ ли на томъ свѣтѣ люди другъ друга—отца, мать, братьевъ, сестеръ, сосѣдей и друзей своихъ?“ Авраамъ отвѣчаетъ: „когда воскреситъ Господь Адама, и съ нимъ воскреснутъ прочіе земнородныя, тогда всѣ узнаютъ другъ друга и въ радости облобызаются отцы и матери съ чадами своими“. Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ св. ап. Іоанна Богослова, на которые Авраамъ даетъ такіе или иные отвѣты. Приведемъ болѣе интересные изъ этихъ отвѣтовъ.

Души *знаются* *на* *томъ* *свѣтѣ* *такъ* *же*, *какъ* *мы* *зна-*
емся *на* *этомъ* *свѣтѣ*. Какъ младенецъ рождается, растетъ и постепенно приходитъ въ смыслъ на землѣ; такъ душа его, если онъ умретъ въ младенческіе годы, растетъ и постепенно приходитъ въ смыслъ на томъ свѣтѣ. Душа къ тѣлу до всеобщаго воскресенія никогда не приходитъ. Такъ какъ су-

пруговъ сочетаваеъ Богъ *въ плоть едину*, то и на судѣ они предстанутъ вмѣстѣ и соберутъ вокругъ себя всѣхъ дѣтей своихъ. Грѣшную душу, послѣ смерти человѣка, ангелы держатъ у себя *до девяти дней, говоря: „можетъ быть, кто-нибудь помянетъ ее“*. Если же никто въ теченіе этого времени не помянетъ душу грѣшную, то ангелы снова держатъ ее у себя до *сорока* дней, говоря: „можетъ быть, она кого-нибудь накормила, или напоила, или одѣла, или священникъ помянетъ ее въ молитвахъ своихъ“. Если же и во все это время никто не совершитъ поминовенія по грѣшной душѣ, то, по истеченіи сорока дней, ангелы скажутъ ей: „иди, убогая душа, во тьму кромѣшную“. Во тьмѣ кромѣшной грѣшная душа пребываетъ отъ Великаго четверга „до пентикостія“. Душа же праведнаго, по словамъ Давида, *во благихъ водворится, и стѣмя ихъ настѣдитъ землю*; посидѣвши сначала на лонѣ Авраама, душа праведнаго идетъ затѣмъ на небеса къ Богу. Если жена согрѣшаетъ, то это зачтется мужу въ великій грѣхъ, потому что ихъ сочеталъ Самъ Богъ. Если кто женатъ *на третьей женѣ, то на томъ свѣтѣ* онъ станетъ только съ первою женою: „вторая бо и третья прелюбодѣянія ради; то же и блудъ творить и прелюбодѣянія“. Тѣ, которые приняли крещеніе и начали снова жить по-скотски: ѣдятъ, пьютъ, а лица своего не вкрестятъ, пойдутъ въ адъ, чтобы не увидѣли славы Господней, и погибнуть. Тати и клеветники также погибнутъ безъ отвѣта. Души праведныхъ питаются на томъ свѣтѣ хлѣбомъ ангельскимъ и пищею небесною, а души грѣшныхъ питаются такою же пищею, какъ и на этомъ свѣтѣ. Когда ставятъ свѣчу по душѣ и посылаютъ для поминовенія ея кутью, тогда бываетъ тѣмъ душамъ „великая память“ и великая радость: какъ обрадовался Адамъ, когда изведенъ былъ Господомъ изъ тьмы, такъ обрадуются души усоншихъ тѣмъ свѣчамъ и той кутьѣ. Дворъ тѣхъ, которые ходятъ къ волхвамъ и приобрѣтаютъ съ ихъ помощію богатство, будетъ, по слову Давида,

пусть, память ихъ погибнетъ отъ земли, на домъ ихъ будетъ клятва Божія, а сами они погибнуть безъ отвѣта. Богатство только тогда бываетъ во спасеніе души, когда человѣкъ не прилагаетъ къ нему сердца своего: ни одинъ апостоль, ни одинъ мученикъ не были богаты, равно какъ ни одинъ пророкъ, ни одинъ святитель, но всѣ они раздавали имѣнія свои нищимъ и тѣмъ приобрѣли себѣ богатство на небѣ; богатство только заставляетъ человѣка превозноситься на землѣ, а пренебреженіе и высокомеріе по отношенію къ убогимъ—пагуба для души. Терпѣніе нищихъ не погибнетъ: они получаютъ великую награду, такъ какъ пострадали въ этой жизни. Если бы крещеный человѣкъ почему-либо умеръ среди язычниковъ, въ день всеобщаго воскресенія онъ все же станетъ среди христіанъ, по слову Давида: *разстѣяныя сберетъ; избранныя удивитъ Богъ нашъ*. На вопросъ Іоанна Богослова, почему люди умираютъ въ различные возрасты, Авраамъ отвѣчаетъ: „въ году 365 дней, въ тѣхъ дняхъ есть часы и междучасья; если родится мальчикъ или дѣвочка въ исходѣ дня, то умретъ только въ старости; кто родится въ худшій часъ, (въ исходѣ часа?) тотъ умретъ въ среднемъ возрастѣ; наконецъ, кто родился въ исходѣ междучасья, тотъ умретъ въ младенчествѣ“. Если человѣкъ исповѣдаетъ грѣхи свои предъ священникомъ, и священникъ наложитъ на него епитимію—поститься для заглаженія грѣховъ своихъ, въ такомъ случаѣ простятся грѣхи человѣку тому. Священникъ принимаетъ на себя грѣхи исповѣдующихся предъ нимъ. Если исповѣдавшійся снова начинаетъ творить грѣхи и снова въ нихъ исповѣдается, то ему и эти грѣхи отпустятся: Господь Богъ для того установилъ Четыредесятницу, чтобы грѣшники могли очиститься въ теченіе ея отъ всѣхъ грѣховъ своихъ. На страшномъ судѣ епископы будутъ отвѣчать за священниковъ, священники—за мірянъ, игумены—за монаховъ; и скажутъ, представши предъ праведнымъ и страшнымъ Судіею: *се азъ и дѣти, яже ми еси далъ*. Епископы, священники и игумены, которые чрезмѣрно превозносились

на этомъ свѣтѣ предъ людьми, будутъ на страшномъ судѣ отвергнуты Господомъ, какъ отвергнуть Имъ былъ гордый фарисей, между тѣмъ какъ смиренный мытарь былъ оправданъ; потому что священнику надлежитъ быть кроткимъ, смиреннымъ, тихимъ и имѣть ко всякому любовь. Нѣсколько послѣдующихъ затѣмъ вопросовъ и отвѣтовъ касаются важности и высокаго значенія священнаго сана, при чемъ относительно тѣхъ, которые „не чтятъ поповъ и чинъ его попираютъ“, Авраамъ замѣчаетъ: „чадо, не слышалъ ли, что *жидове* сотворили Богу, и не слышалъ ли, какъ сказалъ имъ Господь: *да быша челоуци ти не ражали, тако створише*“. На вопросъ Іоанна: какъ могутъ воскреснуть и явиться на судъ умершіе съ тѣлами, когда тѣла ихъ сгніютъ? Авраамъ отвѣчаетъ: „чадо, не слышишь ли Давида, говорящаго *послещи Духъ Свой созиждутся обновити лице зем.м?* Первая труба вострубитъ въ полночь,—и тѣла въ гробахъ оснуются и зародятся, какъ паутина. Вторая труба вострубитъ предъ пѣніемъ пѣтуховъ,—и тѣла созиждутся и сдѣлаются нетлѣнными, и души войдутъ каждая въ свое тѣло. Третья труба вострубитъ предъ зарею,—и воскреснутъ сначала вѣровавшіе во Христа и устремятся съ радостію по землѣ, узнавая другъ друга и лобзаясь другъ съ другомъ, славяще Бога и Святую Троицу: Отца, и Сына, и Святаго Духа; и будетъ въ устахъ ихъ *слаждше меду седмю частію*. Тогда всѣ люди—цари и князья, митрополиты, епископы, игумены, священники, діаконы, монахи, монахини—весь міръ предстанутъ каждый въ своемъ чинѣ. Жиды станутъ ошуюю съ гнѣвомъ Божиимъ....; потому что всякій народъ вѣруеть, что есть Богъ, кромѣ однихъ только жидовъ, которые, отвергшись Бога, погибнуть во вѣки. Отъ жидовъ произошли всѣ *поганые* на землѣ. И скажутъ жиды Господу: „Господи! за что Ты насъ осуждаешь? Мы—Твой избранный народъ“. И отвѣтитъ имъ Іисусъ: „сами вы сказали: *кровь Его на насъ и на дѣтахъ нашихъ*“. Послѣ того они осуждены будутъ, и погибнетъ память ихъ съ шумомъ“.—Воскресеніе изъ мертвыхъ

будеть въ святую недѣлю Пасхи. Послѣ того навсегда мы уже пребудемъ съ Господомъ и со всѣми святыми, „славя Святую Троицу: Отца, и Сына, и Святаго Духа и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ“.

(Окончаніе будетъ).

Обозрѣніе проповѣдей въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1897 годъ.

Въ истекшемъ 1897 году на упорядоченіе дѣла проповѣдничества приходскаго вообще и главнымъ образомъ сельскаго духовенства обратилъ вниманіе Преосв. Іустинъ, Епископъ Уфимскій. Въ своемъ нарочитомъ предложеніи-воззваніи къ Уфимскому приходскому духовенству онъ говоритъ. „По заповѣди Спасителя (Матѳ. 28, 19—20), каждый пастырь Церкви долженъ быть учительнымъ (1 Тим. 3, 2); а по примѣру св. ап. Павла, служители Христовы, преемники апостоловъ, обязаны сказать своимъ пасомымъ *всю волю Божию* для того, чтобы христіанинъ зналъ и имѣлъ возможность свою волю сообразовать съ волею Божіею. Воля Божія открыта въ Свящ. Писаніи Ветхаго и Новаго Завѣта, разъяснена и опредѣлена въ ученіи Православной христіанской Церкви: въ ея догматахъ, правоученіи, богослуженіи, таинствахъ и обрядахъ, доселѣ выясняемыхъ въ разныхъ церковныхъ поученіяхъ. Вотъ предметы и способы, находящіеся подъ руками просвѣщеннаго наукою и благодатію Божіею пастыря Церкви для сказанія всей воли Божіей своимъ пасомымъ. Въ руководствахъ и пособіяхъ для проповѣди въ наше время не только нѣтъ недостатка, но въ нихъ—неистощимое обиліе, такъ что и разобраться въ нихъ трудно, и не знаемъ, какому отдать преимущество. Возьмите, напр., *Полный годичный кругъ краткихъ поученій* священника ма-

гистра о. Григорія Дьяченко, *Руководство для сельских пастырей съ Приложеніями*, *Пастырскій Собесѣдникъ съ приложеніями*, *Воскресное Чтеніе съ приложеніями* и другія отдѣльныя изданія проповѣдей. Лѣтъ 20—30 тому назадъ ничего подобнаго не было. Остается только, съ Божіею помощію и съ особеннымъ усердіемъ, взяться за дѣло, но взяться умѣючи и какъ должно, а не такъ, какъ это обыкновенно дѣлается. „Обыкновенно проповѣдуютъ, — продолжаетъ затѣмъ Преосв. Іустинъ,—что попало, какъ попало и когда придется... Хорошо и это; но проповѣдывать обдуманно, въ извѣстномъ порядкѣ, вести слушателей постоянно и постепенно—отъ меньшаго къ большему, отъ простаго къ болѣе сложному, отъ начальнаго ученія—*словеснаго млека*—къ полному и совершенному—*твердой пищи*, безъ сомнѣнія, гораздо полезнѣе. Извѣстный порядокъ и постепенность мы видимъ во всемъ благоустроенномъ; потому и въ проповѣданіи благоплодномъ должны существовать стройность и постепенность. Отъ стройности и постепенности въ проповѣданіи произойдетъ великая польза и для поучающихъ, и для поучаемыхъ. Проповѣдникъ освободится вообще отъ такъ называемыхъ логическихъ скачковъ, пріучитъ мысль свою углубляться въ предметы своей проповѣди и постепенно—болѣе и болѣе—усвоятъ и развивать ихъ въ своемъ умѣ, всесторонне осматривать и осмысливать ихъ и такимъ образомъ выносить ихъ предъ слушателей въ зрѣломъ видѣ и выражать ясно, точно и опредѣленно. Такую зрѣлую и ясную—прочувствованную проповѣдь и слушатели будутъ, конечно, охотнѣе слушать и усвоятъ лучше и твердо; и постепенность въ проповѣданіи будетъ влгать въ умы и сердца слушателей предметъ за предметомъ, въ извѣстной связи и порядкѣ, свойственныхъ и понятныхъ для логики всякаго ума, даже не получившаго систематическаго образованія, но ума здраваго и простаго. Если добрый пастырь такъ именно будетъ учить своихъ прихожанъ; то добрые плоды его ученія, безъ сомнѣнія, скоро покажутся и созрѣютъ. Черезъ 10—20 лѣтъ

паству его и узнать нельзя будетъ: она сдѣлается вполнѣ просвѣщенною Христовымъ ученіемъ, православно христіанскою паствою, какой только пожелать можно. вмѣсто невѣжества и грубыхъ пороковъ, въ такой паствѣ процвѣтетъ живая вѣра и истинное благочестіе.—Итакъ, добрые пастыри Церкви Христовой, начинайте—съ Богомъ и любовію—сѣять сѣмя Слова Божія въ вашихъ приходяхъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ. Начинайте съ малаго и восходите къ большому и большому. Учите въ школахъ, наставляйте при встрѣчахъ съ прихожанами, бесѣдуйте въ собраніяхъ въѣбогослужебныхъ, проповѣдуйте въ церквахъ. Этого требуетъ вашъ первый священный долгъ; этого требуетъ ваша собственная слава и честь; этого требуютъ и современныя обстоятельства нашей жизни. Если внимательно смотрѣть на современное глубокое и пространное море пробуждающагося народнаго сознанія, то несомнѣнно можно замѣтить надъ нимъ тучи неистовыхъ бурь, разражающихся разномысліемъ и вольнодумствомъ, помрачающими святую истину, фанатизмомъ и изувѣрствомъ, искажающими ученіе Христово; а потому, какъ отъ пловцовъ по этому морю, такъ, въ особенности, отъ кормчихъ требуется особенная бдительность. Тяготѣніе къ землѣ и забвеніе о небѣ стали распространяться и между простымъ народомъ, разбуженнымъ самостоятельностью жизни. Въ нашемъ простомъ, добромъ и изстари православномъ народѣ давно уже появились и снова все болѣе и болѣе появляются лжеучители всевозможныхъ видовъ, отступники отъ церковнаго устава, презрители св. постовъ, нерадивцы о долгѣ исповѣди и св. причащенія. Вообще, добрые старыя обычаи мѣняются на новыя, хотя болѣе легкія, но менѣе нравственныя. Такое направленіе въ жизни современныхъ христіанъ,—хотя не повсемѣстное, но могущее скоро сдѣлаться таковымъ,—крайне печально и губительно и требуетъ врачеванія немедленнаго, усерднаго, неусыпнаго. Врачами же такого пагубнаго проявленія въ религіозно-нравственной жизни современныхъ намъ христіанъ призваны быть

пастыри Церкви. Они—*іерей Божій и стражи дома Ело:* они должны быть бдительными кормчими корабля Христова и *ловцами чловьковъ*, чтобы изъ глубокаго и бурнаго моря вѣка сего извлекать людей отъ страшной тьмы земной и вводить въ жилище свѣта на небеси. Что если и мы съ вами вознерадимъ о домѣ своемъ и задремлемъ; кто будетъ охранять стадо, искупленное кровію Христовою? Кто будетъ спасать добрыхъ овецъ сего стада отъ волковъ хищныхъ и кровожадныхъ?! О, нѣтъ! мы не доведемъ себя сознательно до этого! Призываю васъ, возлюбленные мои соратники на нивѣ Христовой, и умоляю—со всѣмъ усердіемъ взяться за дѣло сѣянія Слова Божія. Есть у васъ св. Библия, есть Библейская исторія, есть Церковная исторія, есть Начатки христіанскаго ученія, есть Катихизисъ, есть богословскія системы.... Начинайте же съ Богомъ усердно трудиться надъ первымъ и главнымъ нашимъ дѣломъ. Добрыхъ тружениковъ ожидаютъ честь и слава, награды и спасеніе—на землѣ и на небѣ. *Жатва многа. Изведи, Господи, дѣлателей*“ (Уфимск. Епарх. Вѣд. 1897 г. № 4)!

Чтобы скорѣе, вѣрнѣе и цѣлесообразнѣе слово и доброе намѣреніе перешло въ дѣло, Преосв. Іустинъ выработалъ и своевременно напечаталъ на страницахъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей весьма подробныя и обстоятельныя „Руководственныя программы пастырскихъ поученій“ по всѣмъ указаннымъ выше предметамъ. Насколько благополезна предпринятая Преосв. Іустиномъ мѣра для поднятія и упорядоченія пастырскаго проповѣданія Слова Божія, очевидно для всякаго. Въ теченіе всего 1897 года въ Уфимскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ печатались почти исключительно проповѣди самого Преосвященнаго, которыя должны будутъ по-

служить образцомъ для проповѣдей приходскихъ священниковъ Уфимской епархіи.

Трудно представить въ общихъ и краткихъ чертахъ болѣе или менѣе яркую и вполне опредѣленную, точную характеристику проповѣди *всего* приходскаго духовенства за разсматриваемый годъ на основаніи проповѣдей, печатавшихся въ различныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. На болѣе выдающихся мы остановимся ниже. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ недостаткахъ, которые невольно бросаются въ глаза при чтеніи многихъ изъ проповѣдей, тѣмъ болѣе, что устранить эти недостатки весьма легко и не менѣе того желательно.

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанникій.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 20 мая 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., *прот. І. Корольковъ.*

Тип. Петра Барскаго, Крещатики, собств. домъ № 40.